А. Крученых

ЧОРТ и РѢЧЕТВОРЦЫ.

русская литература до насъ была спиритической и худосочной

она кружилась въ колесѣ чорта..—

поймать черта, разоблачить, проклясть или хоть восхвалить!

спасти кого-то и провидѣть полный и рѣшительный конецъ міра сего...

какъ дѣти в сказкѣ писатели заблудились в трех волосках на головѣ черта и не побывав еще в странах слова какъ-то такового

были раздавлены клопом чортом...

. . . .

не литература а общество спасенія!

сами еще плохіе пловцы бросились спасать всѣхъ

ибо близок конец міру

тому есть множество знаменій

„и клялся Живущим во вѣки вѣков, который сотворил небо и все, что на нем, землю и все что на ней и море и все что в нем, что времени уже не будет“

кончилось для людей наслажденіе драгоцѣнными розами и вином, кончилась земля и горько-сладкіе плоды ея, отнынѣ „огонь дым и сѣра“ будут палить блудодѣйствующихъ и чародѣйствующих „от этих трех язв, от огня дыма и сѣры выходящих изо рта коней, умерла третья часть людей“

сперва не вѣрилось. вороватые смѣялись и рѣзвились не придавая значенія топоту коней у которых головы львов.

но стоило только взглянуть на рты из которых выходил огонь дым и сѣра и услыхать как рыкает лев как семь громов проговорили голосами своими—чтобы в ужасѣ убѣжать от бездѣлушек своих и невинных ребяческих забав.
нѣчто большее легкомыслія и забав взглянуло в лица их—это был конец міра.
это было царство сатаны блудницы папессы и смерти пришедших в конец соблазнить и погубит людей.
тѣ чьи числа 2, 40 и 200...
Пан-отец пришедшій изъ-за моря из турецкой земли недобро взглядывает, вынимает из-за пазухи черную воду и тянет ее.
и вызываетъ душу своей дочери казачки Катерины и говорит ей сотканной изъ инфернальныхъ загробных лучей: полюби меня
Сатана сатана!.. шепчет пан Данило.
недоброе творится въ Украинѣ.
чертъ на нѣмецких ножках укралъ мѣсяцъ и стало въ ночь подъ Рождество темно и вѣтрено и холодно.
и человѣкъ въ восточномъ халатѣ покупаетъ душу художника,
и среди бѣла дня в упоительной Украйнѣ французсвинья утаскиваетъ прошеніе Ивана Ивановича,
и Хлестаков эта столичная штучка на нѣмецкихъ ножках во фракѣ вретъ про свое министерство и этим напускает туман перед глазами простых обитателей ждущихъ своей погибели...

вездѣ оборотни слухи вертится черт и влѣзет то в свинью то в пирог то в мелкаго чиновника лгуна и сплетника.
Маленькій гаденькій черный, Кажется взял бы и пальцем раздавил. Не черт а блоха и никак ее не словишь
и хочет Гоголь ударит по струнам людских душ с „невѣдомою силой“. . . . . .
Какой поход на блоху! блоха радуется и смѣется—развѣ так ловят блох? втихомолку потихоньку ловким и быстрым движеніем—и вот ее нѣт!
Но человѣк в бреду и ужасѣ не замѣчает что имѣет дѣло с простой блохой. Она принимает невѣроятные размѣры и формы ея странно дрожат и мѣняются: по виду это саранча ростом с коня и волосы у ней, как волосы у женщин, а зубы были как у львов.
Тѣм то и страшна блоха что она маленькая а человѣк в жару и бреду никак не может быстро повернуть рукой и прихлопнуть ее. и давит его блоха.
на ней были брони как бы брони желѣзныя а шум от крыльев ея, как стук от колесниц когда множество коней бѣжитъ на войну, вытянув морды...
. . . .
Милая благоуханная упоительная Украйна во власти блохи саранчи, невѣрных срацин. И гибнут славные вѣрные сыны Украины: и полковник Тарас и его сын лыцарь Остап

Погибло славное казачество!
И только жид Гершка худой и длинный как оглобля гримасничает и бѣгает заплетываясь ногами в длинном кафтанѣ своем и разсказывает и своим и полякам о погибели казаков
возненавидѣл Гоголь „жидов“ и особенно „Петровскую Россію“ полонивших его Украину. и отомстил Россіи „страшной местью“ и дьяволъским смѣхом и заколдованным смѣхом высмѣял ее и изобразил на лицѣ ея гримасу страшнаго колдуна и сам испугался своего смѣха
„Смотри—указал ему схимник—буквы твоих книг наполнились кровью“
и убѣжал от людей колдун. ни пост ни покаяніе не помогли ему...
Колдун сам превратился в блоху и скрылся от нас в необычайном прыжкѣ
. . . .
Но не все же торжествовать блохѣ не все шумѣть саранчѣ: она в с е съѣла что было на землѣ и оставив ее голой пустынной и безлюдной должна умереть и сама.
вот когда настанет ея погибель!

„И ничего во всей вселенной
благословить он не хотѣл“

во всей вселенной! в сѣрый пепел пустыни обратилась земля и саранча распустив свои крылья с шумом желѣзной колесницы смерти полетѣла над землей, оплевывая ее въ послѣдній,
и пролетая (через годы и годы) над испепеленными угасшими горами Кавказа саранча замѣтила среди развалин какую то зелень
и забилось ея сердце насѣкомаго. давно уж не видала она никакой травки никакого листочка и позабыла какъ то о своем царственномъ брюхѣ, а оно какъ истомившійся навуходоносор жаждало салата.
и воспѣла саранча хвалу создателю позаботившемуся о ея брюхѣ какъ у большой жабы проглотившей лошадь,

и сказала саранча травкѣ:
клянусь я первым днем творенья
клянусь его послѣдним днем
. . . .
тебя я вольный сынъ эфира
возьму въ надзвѣздные края
и будешь ты царицей міра
подруга первая моя...

скромная травка слушала
она была так прекрасна среди диких скал и пепла.
Когда то вся земля была покрыта безвкусной травой—тогда дикая красавица затерялась среди возов подруг
но теперь

нѣтъ, ни единый царь земли
не цѣловал такого ока...
и саранча съѣла травку, послѣднюю единственную в сем мірѣ и потом сдохла и сама
Такъ всеобщею погибелью закончилась борьба земли и блохи-саранчи.
и еще какой молодой земли—
Я начал рано кончу рано...
какъ не оплакивать такую судьбу?!
она же была прообразом (хотя по странности случившимся позже) гибели другого такого юнаго и прекраснаго агнца (Пушкина).
и появился на землѣ пес
вѣрный страж человѣка и его жилища и вступил в борьбу со скорпіоном—хвостом саранчи.
земля имѣла в это время вид фантастическій.
был напримѣръ Петербург (про другіе города не было слышно) но был он призрачный: проснешься и Петербург провалится в болото.
Это былъ не город а только болотное испареніе и имѣл он вкус хинина...
и все время лихорадило в нем.
но пес не испугался. больной в лихорадкѣ и блѣдный вступилъ онъ в послѣднюю борьбу со скорпіоном
„Оно было в родѣ скорпіона но не скорпіон, а гаже и гораздо ужаснѣе и кажется именно тѣм что таких животных в природѣ нѣтъ и что оно нарочно у

меня явилось и что в этом самом заключается будто бы какая-то тайна. Я его очень хорошо разглядѣл: оно коричневое и скорлупчатое, пресмыкающійся гад длиной вершка в четыре у головы толщиной в два пальца, к хвосту постепенно тоньше, так что самый кончик хвоста не больше десятой доли вершка.
мать кликнула норму, нашу собаку—огромный тернефчерный и лохматый умерла пять лѣт тому назад, она бросилась въ комнату и стала над гадиной какъ вкопанная. остановился и гад но все еще извиваясь и пощелкивая по полу концами лап и хвоста. Животныя не могутъ чувствовать мистическаго испуга если не ошибаюсь но в эту минуту мнѣ показалось что в испугѣ Нормы было что-то как будто очень необыкновенное, какъ будто тоже почти мистическое и что она стало быть тоже предчувствует как и я что в звѣрѣ заключается что-то роковое и какая то тайна...
вдругъ она медленно оскалила свои страшные зубы открыла всю свою огромную красную пасть и приноровилась изловчилась рѣшилась и вдруг схватила гада зубами.
скорлупа затрещала на ея зубах...
вдругъ Норма жалобно взвизгнула; гадина таки успѣла ужалить ей язык. с визгом и воем она раскрыла от боли рот..."
мерзкое насѣкомое больно ужалило пса въ язык.

как с больным языком бороться с проклятым скорпіоном
„у ней (саранчи) были хвосты как у скорпіонов и в хвостах ея были жала
и дано ей не убивать людей а только мучить...
и мученіе от нея подобно мученію от скорпіона когда ужалит человѣка“
Припадочные, больные ужаленные проходят люди у Достоевскаго и ближніе со смущеніем проходят мимо—ужаленные обречены, они уж не от міра сего.
и горе ужаленному—на землѣ ему нѣт мѣста: днем и ночью воет пес мучая себя и других...
о еслибы снова найти живую плоть и воплотиться! хоть в купчиху семипудовую!
да в семипудовую и лучше всего—сколько в ней плоти! в банѣ бы попариться
„баня все поправит“—недаром говорит народ.
Смотрите как славно парится Исайка—этот представитель вѣчно живучаго племени! каторжане и тѣ парятся. не жизнь им—а баня!
и когда они парятся то забывают, что на них клеймо, они тоже люди, купчихи семипудовыя!
а ужаленный бѣжит прочь неистово крича, издавая нечеловѣческіе звуки... и бѣжит в нетопленную сырую баню съ плесенью и пауками по углам—вот она вѣчность—его вѣчность его смерть! Ужасная вѣчность...

съ радостью пробѣжал бы онъ еще квадрилліон квадрилліонов лишь найти покой—но
напрасно этому не бывать и „осанна“ крикнуть не придется несмотря на все желаніе
Может и желаніе смѣшное и глупое—но кто же осудит ужаленнаго! не ближніе же!
тѣ бѣгут от ужаленнаго дабы не чувствовать своего безсилія. Можно любить человѣчество и и человѣка, отвлеченнаго издали, человѣка мертваго, но когда пред тобою бѣснующійся, умирающій—что сдѣлаешь? Разстрѣлять как Пушкина и Лермонтова, какъ взбѣсившуюся собаку! Здѣсь можетъ помочь только чудо, только Одинъ которому все повинуется и перед кротостью Котораго смиряются бѣсноватые, но люди тут безсильны и проклиная всѣх убѣгает ужаленный.
О, еслибы ему встрѣтился хрустальный дворец гдѣ пирует самодовольное благополучное человѣчество (в нѣкоторых сказках об этом разсказывается) с каким наслажденіем он пихнул бы его, опрокинул, растоптал. Так сладко помучить, тогда и свои муки были бы в радость все тогда было бы иначе...
и бѣжит ужаленный ехидною и видит уже „стеклянное море смѣшанное с огнем и побѣдившіе звѣря и образ его... стоят на этом стеклянном морѣ держа гусли...“
предсмертная усталость и сладость одолѣваютъ измученнаго и грезятся райскіе сады и слышны гусли и всепрощающій готовится онъ умереть...

и закартавил тріолеты землѣ.
Блох с Бѣлым положили головы свои и плакали, а Мережковскій укорял их:
продали революцію черту,
он напустил на вас Цусиму и Порт-атур, он съѣл ваш театр и башмаки, культуру и семью... кто съѣл ваш ужин?.. не знаете?!
как будто в сторонѣ от всѣх сидѣл маленькій чех (Чехов) так любившій рыбную ловлю и думавшій выудить всѣх чертей из россійскаго болота...

. . . .

Черт!—кто-то закричал сбоку — сам черт! берегитесь черт!
а насмѣшливый голос отвѣчал ему:
не страшно!
и в самом дѣлѣ никакого черта не было и неудачный пастух Андреев так и остался лгуном.
чтобы утѣшить его хоть нѣсколько А. Ремизов надул игрушечнаго чертика украденнаго на „вербѣ“ и тот запищал вздрогнул и вытянулся.
Так кончился черт у русской литературы а с ним и сами литераторы оплакивающіе его как безутѣшныя вдовы

. . . .

. . . .

на смѣну русским литераторам пришли рѣчетворцы—баячи будетлепе—и сразу превратили черта в дворника
черти ли страшны будетлянину? как господин нисходит в ад—и там смятеніе подземные в затрудненіи:

их палец тщился начертать
мои земныя пять имен
но легче коготь поломать
чѣм отгадать как я клеймен
Огонь и муки мнѣ нипочем
и стиснув зубы хулу шепчу
Под тонким жалящим бичем
Смѣюсь тихонько палачу
и бѣс стал пятиться невольно
замѣтив что глумлюсь
шепнул себя щипая больно
тебѣ я предаюсь...
(а. крученых „полуживой“)

не случайно в литературѣ до нас разлито адское сладострастіе (негр Пушкин, мрачный корнет Лермонтов, тайный огонь Гоголя и т. д.)
Достоевскій пес но он же и сладострастное насѣкомое!
и восхвалявшій бѣса Θ. Сологуб воспѣл в послѣдній и грязное извращенное сладострастіе (таков же А. Ремизов—насѣкомое)
но у писателей до нас и сладострастіе не настоящее.
у них не есть а лишь хочу.
уж подлинно „символизм“
с побѣдой над адом покоряется и украшеніе его: любовь-сладострастіе

Тебѣ навѣки я отдадена
віяся вѣдьма изрекла
и вѣтр и звѣрь и дѣва-гадина
касались моего чела
(„Полуживой“)

И шалунья слава и богатства этого міра стали иными—
стали пустым мѣстом

меня вѣнчали черным знаком
и уксус лили на язык
копьей украсили и паки
вознесся дикій крик
(полуживой)

ненадежен и сам ад. ему так легко погибнуть
в своем коренном сладострастіи—муки и случая.
Гибель страстно играющаго в карты подземелья мы
видим с ясностью:

...и скука тяжко нависая
глаза разрѣжет до конца
всѣ мечут банк и загибая
забыли путь ловца
. . . .
все скука угнетает
и грѣшникам смѣшно
дрова в каминѣ угасают
и занавѣшено окно

(„Игра в аду" Крученых-Хлѣбников)

указав на этот конец конца баячи будетляне в своем
творчествѣ уже исходят от других вещей цѣлей и замыслов...

А. Крученных.

Типо-литографія Т-ва „СВѢТЪ",
СПБ, Невскій просп., д. 136.

Печатаетск второе дополненное изд. «**Взорваль**» А. Крученых и «**Бух Лѣсинный**» Крученых и Хлѣбников.

ЧОРТ и РѢЧЕТВОРЦЫ.
ц. 30 коп.